СИТНИЧЕНКО

МОЛОДЕЖЬ в Царском подполье

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН1281
С493

·ИСТОМОЛ ЦК ЛКСМУ·

ЕН1281
С 193

А. СИТНИЧЕНКО

МОЛОДЕЖЬ В ЦАРСКОМ ПОДПОЛЬИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ"

ИСТОМОЛ
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ПРИ ЦК ЛКСМУ

А. СИТНИЧЕНКО

ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	*Следует читать:*
Стр. 3, 11 строка	пересоставлено	переставлено
„ 19, 5 „	побили	любили
„ 47, 18 „	своеи	своем
„ 51, 6 „	а	за
„ 56, 2 „	устраивал	устраивая
„ 56, 3 „	пропагандисткая	пропагандиста
„ 62, 26 „	Лебедева	Лебедев
„ 71, 18 „	выманивать	выманывать
„ 80, 7 „	23 мая 1923 г.	23 мая 1919 г.

ЮНОШЕСКИЙ СЕКТОР
ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПРОЛЕТАРИЙ“
1 9 2 5

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
3,	11	перебитавлено	перебитавлено
14,	5	полна	дробна
17,	18	своея	своея
51,	6	в	во
56,	2	устранил	устранил
56,	3	пропитывающем	пропитывающем
62,	20	Асбеста	Асбеста
71,	18	вибрирует	вибрирует
80,	7	23 мая 1923 г.	28 мая 1919 г.

ИСТОМОЛ
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ПРИ ЦК ЛКСМУ

А. СИТНИЧЕНКО

ЕН 1281
С 493 Р

МОЛОДЕЖЬ В ЦАРСКОМ ПОДПОЛЬИ

ПРЕДИСЛОВИЕ
С. БЕЛОКРИНИЦКОГО

ЮНОШЕСКИЙ СЕКТОР
ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПРОЛЕТАРИЙ“
1 9 2 5

К. 9 : 331.3 (47)
П
ЕН1281
С 493 Р
Институт В. И. Ленина
№ 641
БИБЛИОТЕКА
209390

Типо-Цинкография
Кооперативного Издательства
„ПРОЛЕТАРИЙ"
Харьков, Пушкинская 40

Укрглавлит 14056 Зак. № 685 Тир. 10000

ОТ АВТОРА.

В этом издании книжка значительно дополнена и исправлена. Расширены главы: Школа и политика, Забастовка мальчиков, Школа и новый провал, Прикрытый меньшевизм, Пропагандисты-большевики. Изменена и значительно пополнена основная глава книги „Зачисление в партию", а также для полной законченности книги помещены некрологи убитых в гражданскую войну участников царского подполья. Для большей ясности о связи молодежи с подпольной организацией РСДРП (большевиков) переставлена глава „Мысль об организации союза молодежи". Все изменения и дополнения внесены в книгу благодаря сведениям, присланным автору т. С. Мальчиковым.

А. С.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вот уже десять лет, как все на земном шаре пошло по „иному“. Десять лет тому назад, в 1914 г., началась всемирная империалистическая война. Теперь этой войны нет. Но последствия ее еще чувствуются до сих пор.

Десятилетия, предшествовавшие войне, были эпохой мирного развития, периодом, когда создавался II Интернационал. В английских трэдъ-юнионах *), германских профсоюзах, в Бельгии, Франции, Скандинавии и других странах вождями этого Интернационала упорно и долго рабочий класс воспитывался в духе реформ, постепенных бескровных завоеваний.

Тип рабочего этого поколения можно охарактеризовать так: каждый аккуратно платит свой членский взнос, по воскресеньям идет на какое-нибудь собрание и раз в три или четыре года с восторгом относит свой избирательный голос, конечно, за социалистов, при выборах в парламент. Дух революционных приемов борьбы почти погас. Зачем драться на баррикадах, когда гораздо удобнее с трибуны произнести хорошую речь за „хорошее“ дело?

*) Так называются в Англии профессиональные союзы.

Так учили вожди своих рабочих. А вот один из них — немецкий социал-демократ Шейдеман — излагает свою теорию так: „Перед войной германская социал-демократия рассчитывала политически и тактически на мирную эволюцию к демократии и через демократию к социализму... Там, где можно рассчитывать, что через 10 — 15 лет (а что такое 15 лет в жизни народа?) революционная (?! С. Б.) партия привлечет на свою сторону большинство, а вместе с тем и завоюет и неоспоримое право на власть, там непростительно преждевременно вовлекать народ в гражданскую войну".

Но с какой наглой решительностью этот же Шейдеман, правой рукой писавший эти строки, той же правой рукой голосовал за империалистическую войну.

Впрочем так поступил не только он. Так, не сговорясь, сделали и его собратья в других странах. Россия также не была исключением.

Когда на столбах и заборах полиция в 1914 г. в июле месяце расклеила первый высочайший указ о мобилизации, то сразу не поверили. Говорили, что это — утка, что правительство хочет испробовать патриотическую готовность своих подданных и т. д.

Но оказалось, что подлежащим явке к воинским начальникам выдавали расчет с заводов. Оказалось, что поехавшие из деревень в ближайший воинский пункт крестьяне больше не возвращались. Война стала фактом.

„Война... за веру, царя и отечество, на защиту маленьких государств" — вот голоса, которые

раздавались из Зимнего дворца и через обитателей биржи, загребавших прибыль в карман, звучали по всей России.

Вот слова, которыми люди, говорившие, что они „настоящие социалисты", призывали рабочих забыть на время свою вражду к хозяевам и идти в военно-промышленные комитеты и тем самым помочь своей буржуазии и помещикам в их борьбе с иностранной буржуазией за Дарданелльские проливы, за колонии и вообще за захват чужих территорий.

Каждому честному пролетарию стало трудно в этой тяжелой смрадной обстановке. В первые дни войны рабочие с нетерпением ждали авторитетного голоса, который внес бы ясность, который раскрыл бы всю губительность войны для рабочего класса и крестьянства.

Вместо этого, изгнанный отечественной буржуазией, старик Плеханов из далекой французской провинции ответил, что по его мнению „все славяне должны стать на сторону Российской Империи.

Пока Либкнехт выступит или не выступит",— писал этот русский Шейдеман — „германские войска, составленные приблизительно на треть из социал-демократов (курсив наш. С. Б.) продолжают совершать подвиги, достойные гуннов" *).

И это—о, ужас,—основатель русской социал-демократии — Плеханов советовал рабочим проливать кровь за царя.

*) Цитировано по дневнику Плеханова. Изд. 1917 г.

Его книжки печатались, множились и распространялись.

— Нате, смотрите, читайте!

— Читайте Плеханова, — кричали буржуазные подголоски, социалисты, стоявшие за оборону отечества, которое в это время усилило гонения и аресты на рабочих и на всех, посмевших сказать хотя бы одно слово правды.

Не доходил до нас голос Ленина. Владимир Ильич остался в одиночестве с небольшой кучкой единомышленников на чужой стороне, но его лозунг „Война — войне“ очень скоро стал понятен массам. Гораздо скорее, чем Шейдеман получил большинство, гораздо скорее, чем глава империи, защищать которую призывал Плеханов, побил своего врага Вильгельма.

Война заставила рабочих энергичнее интересоваться своей жизнью. Буржуазия не сегодня — завтра могла превратить каждого из них в человеческое мясо. Война вовлекла в активную борьбу новые десятки молодых пролетариев, но молодые рабочие, начавшие жить во время войны это — уже не те рабочие, чаявшие надежду к концу своей жизни увидеть в правительстве хотя бы двух — трех министров-социалистов.

Война родила революцию. Война и революция родили новое революционное поколение, отличное от старого, свободное от иллюзий сожительства с буржуазией и слепого повиновения социал-предателям.

Только теперь возможно оценить историческое значение позиций западно-европейских организаций молодежи в борьбе с милитаризмом (военщиной) не на словах, а на деле.

У нас, в России, во время войны движения молодежи еще не было. Но насколько обильна была почва для его создания, показывает небольшой пример киевской молодежи, группировавшейся вокруг подпольной организации РСДРП. На этом примере легко убедиться в том, как война вырвала последние устои из-под ног оборончества и меньшевизма.

Группа киевских интеллигентов-социалистов в 1915—17 гг. воспитывает значительное для того времени число рабочей молодежи в духе социализма, осторожно стараясь привить им вместе с этим меньшевизм. Во время февральской революции, неожиданно для группы, ученики, все как один, очутились в рядах большевиков, пропагандисты — у меньшевиков.

В 1915 г. в Берне собрались представители рабочей молодежи пятнадцати государств, чтобы поднять свой голос протеста против бойни. Они бросили клич к молодым пролетариям всех стран— не порывать братской солидарности и обратить штыки против действительных врагов пролетариата — буржуазии.

К этому голосу не могла присоединиться рабочая молодежь России, находившаяся под двойным гнетом царизма и шовинистического угара, но она на сто процентов была солидарна с ним.

Прочитайте в брошюре т. Ситниченко то место, где она описывает, с каким восторгом мы узнавали про союз молодежи в Швеции, который вопреки взрослой партии высказался против войны. И когда нам на ум пришла грешная, казавшаяся порой утопической, мысль о том, что мы и в России создадим союз рабочей молодежи, то мы его мыслили себе по образу и подобию Шведского революционного союза.

В 1917 г. после февральской революции кружок наш переименовался в инициативную группу по созданию Киевского союза рабочей молодежи. При определении задач, программы, состава мы первым долгом решительно отмежевались от тех социалистов, которые во время войны так явно себя выдали, став на сторону императоров, королей и буржуазных президентов.

Почти все участники школы и кружков 1915—17 г. стали затем активными работниками юношеского движения.

Нужно воздать должное киевской группе пропагандистов. Их работа не прошла даром. Два с лишним года работы в условиях царского подполья послужили хорошим уроком для нас.

Инициаторы школы и не предполагали, что она станет зародышем будущего комсомола, однако, жизнь и ход событий сделали свое дело, и, вопреки искусственным преградам, создавалось новое поколение. Поколение войны и революции.

С. БЕЛОКРИНИЦКИЙ.

МОЛОДЕЖЬ В ЦАРСКОМ ПОДПОЛЬИ

ВОЙНА И ПОДРОСТКИ

Второй год длилась война. С фронта отступали на юго-запад и штабы различных частей прибывали в город. Вакханалия быстрых отступлений, наступлений обрушилась на спины рабочих. Опять начались мобилизации, увеличился рабочий день, утроились цены на продукты. А заработная плата осталась прежней. Нищета и голод, верные попутчики войны, поселились в рабочих кварталах и, всасываясь пьявками в тела истощенных, оборванных людей, гнали всех на фабрики и заводы. Словно ненасытное животное — война требовала живого мяса. День и ночь дымились трубы, вертелись колеса машин и станков, рвались напряженные мышцы и, наливаясь кровью от ночной работы, превращали здоровых людей в бессильные отрепья. Но разве только это?

Ежедневно от станка отрывались люди и, превращаясь из машинного в пушечное мясо, бросались в пасть кровожадного зверя. Бросались по мобилизации, бросались за неосторожное слово против голода, изнурительной, непосильной работы, против бессмысленного кровопролития.

На их место шли женщины, дети и ради проклятого куска хлеба терпеливо за гроши продавали свою силу.

Редеющие от мобилизации ряды рабочих теряли свою сплоченность и, связанные купленной предпринимателем „отсрочкой по мобилизации на фронт", молчали. Эти отсрочки явились хорошими кандалами для языка, и хотя все тело извивалось от возмущения против войны — язык молчал.

Рабочие организации: профсоюзы, клубы и пр. преследовались и разгонялись. Социал-демократы, подвергаясь многочисленным арестам, не могли вести массовой агитации среди рабочих и только иногда выпускали листовки против войны. Зато оборонцы работали во всю. Поддерживаемые и оберегаемые буржуазией, они свободно выступали на фабриках и заводах. Слушали их рабочие молча, строя сочувствующие лица и выбирали представителей в существующий легально военно-промышленный комитет. Кроме оборонцев, выбирать было некого, так как ни один сознательный рабочий не хотел заседать вместе с буржуазией.

Перед каждым рабочим стоял вопрос:

— Что же будет дальше, к чему приведет это кровопролитие, требующее все новых жертв?

И, не находя ответа, ходили понурые, стараясь излить на ком-нибудь бессильную злобу.

Больше всего доставалось любопытным подросткам. В течение длинного рабочего дня, гоняли их без передышки по фабрике и с поручениями в город. Но шустрые ребята усталости не знали и, если выдавалась свободная минутка, подлетали к рабочим с вопросами:

— Никанорыч! Отчего это рабочие не хотят идти в военно-промышленный комитет?

Или:

— О каком это отечестве всюду кричат? Не о том ли, что продают германцу на фронте?

Ответами были зуботычины, да злые окрики:

— Молчи! Это тебя не касается. Тоже политик, сопли утри!

А подросток рассуждал:

— Ну и жизнь настала. Ни с кем слова не скажешь. На фабрике, куда ни плюнь, — в начальство попадешь. Хозяин — раз, директор — два, управляющий — три, мастер — четыре, подмастер — пять, это по званию, а так и по пальцам всех не перечтешь. Домой придешь — мать хнычет:

— Скоро ли получку принесешь? Отец с фронта денег просит.

Деньги. Фронт. Война. Начальство. Немцы. Русские. Рабочие. Хозяева. Откуда все это в жизни? — вертелось в голове. И, стараясь оборвать тяжелые непонятные мысли, с досадой решал:

— Царская армия, а трехрублевки из дому тянет. Тоже ведь армия!

Трудно было детям, в большинстве от 13 до 16 лет, разобраться в происходящем и проклятые вопросы сверлили голову. Но вот в больничной рабочей кассе „Помощь“ *) появилось объявление об открытии вечерней школы для детей запасных воинов. Подростки гурьбой туда:

*) Больничные кассы — лечебные организации рабочих — существовали, главным образом, на отчисления рабочих.

— А если мы не из запасных, а так себе рабочие, просто, нам можно в школу?

— Можно, можно, чего же нельзя? Школа — она для всех, которые на фабрике. По теперешним временам удобнее писать, что для детей запасных воинов. Вот и написали, — пояснил секретарь больничной кассы, давая адрес.

И подростки, растревоженные непонятными событиями, радостно бросились в школу.

КАК ОРГАНИЗОВАЛАСЬ ШКОЛА

Школу организовала группа в человек 15 студентов и курсисток, связанных с киевской подпольной организацией РСДРП.

Они много думали о пользе, которую смогут принести рабочему классу и остановились на организации школы.

Мысль о школе долго не осуществлялась. Помимо препятствий со стороны правительства и отсутствия средств, был целый ряд неясностей. Вопрос, что должна дать школа рабочему подростку — оставался вопросом.

После многих совещаний решили дать подросткам общее развитие и толчек к самообразованию.

Такое обезличение школы, с уклоном в сторону общего образования, немного странно для социал-демократов, но подобный подход для них был естественным. В то время они не принимали участия в организации социал-демократов, были только связаны с нею и для них школа была первым хождением в рабочую массу.

Школу решили организовать вполне легально. Выработали план, заинтересовали некоторых дам-патронесс и через них получили помещение и двести рублей денег. Оборудование школы с помощью дам-филантропок было не ошибкой интеллигенции, а умелым подходом к делу. Это принесло двойную пользу: дало средства на организацию и создало благонадежную репутацию в глазах полиции.

ОРГАНИЗАТОРЫ ШКОЛЫ

Прежде чем приступить к организации школы, преподаватели продумали ее программу, подготовились к своей работе и, строя программу не по шаблону средних школ, они сразу стали на правильный путь.

Отсутствие педагогического стажа не только не послужило тормазом, но имело и свои хорошие стороны. Каждый из них смотрел на работу в школе не как педагог, ограничивающий обязанность казенными рамками, а как на цель своей жизни, как на общественную деятельность. Юные, с хорошей марксистской подготовкой, они относились к работе, как марксисты и, помимо знаний, внесли в нее много энтузиазма и твердости молодняка. Старшие — преподаватели, младшие — ученики и потому, что и те, и другие были молоды, сразу же создались товарищеские отношения.

Теперь, когда многие из учеников школы учатся на рабфаках и в ВУЗ'ах, часто вспоминается школа. Многие педагоги смотрят на свою обязанность, как на цель в жизни, но все же на рабфаках существует

два мира. Когда после урока остаешься с кучей вопросов в голове и печально смотришь вслед уходящему педагогу, встают перед глазами любимые хорошие люди, давшие толчок к сознательной жизни. Вот Маркуша, двадцатилетний детина, читавший биологию. Его предмет — не книга, из которой зазубриваешь отдельные места, а наш живой организм, состоящий из клеток, приводящийся в движение нервной системой, управляемой мозгом. Сухие диаграммы, картограммы на уроках оживают и как бы сами рассказывают. Вот его брат Филипп и 18-ти летний Моисей Гершевич, читавшие политэкономию. Цель их жизни — изучение марксистской теории, и уже тогда трудно было найти марксистскую книгу, не разжеванную ими.

А вот 19-летняя Фрося Спицина, читавшая физику и астрономию, удивительно энергичная, она быстрыми движениями рук как бы вталкивала в нас трудный предмет. Но также быстро, как и движение рук, вылетал из нас религиозный дурман о строении вселенной. Фрося не ограничивалась уроками, и мы часто устраивали прогулки по астрономии, а дома пугали родных опытами по физике.

Вот Франя Маршак (самая взрослая — 24 г.), читавшая экономическую географию. Трудный предмет, но на месте географической карты встают промышленные районы каждой страны, чередуются правительства Западной Европы.

Вот ее брат Яша, 18-летний Wunderkind *), читавший политэкономию. Яша родился для научной

*) Удивительно талантливое дитя.

деятельности, его мозг создан для экономики и тогда уже он знал ее блестяще и преподавал хорошо.

Вот 18-летняя Ида Амханицкая, любимая нами, как педагог и как человек. Робко, но удивительно чутко подошла она к нам. Все побили ее уроки русского языка и литературы и уже тогда чувствовался в ней талантливый педагог.

Вот родной и близкий нам 18-летний Евгений Эдельштейн, читавший историю культуры, но, к сожалению, он приходил реже других, так как активное участие в организации РСДРП мешало отдаваться исключительно школе.

Вот преподаватель политэкономии Новиков, математики — Исаак Лазорович и Зиновий, которые хотя и не были организаторами школы, но много дали подросткам своими уроками.

Вот преподавательский молодняк: Таня Говсева, Лида Маршак, Надя Спицына и Зина Портный, которые занимались с малышами и выполняли техническую работу (библиотека, буфет, учебные принадлежности и пр.) в школе. Большая кропотливая работа лежала на их плечах, но они со вниманием и любовью делали даже самое маленькое дело.

ЖИЗНЬ В ШКОЛЕ

Еще и теперь, проходя по М.-Васильковской ул. мимо № 22, невольно поднимаем головы и любовно поглядываем на окна 4 этажа.

Десять лет тому назад с фабрик и заводов торопливо шли к этому дому подростки и, стараясь

не шуметь, быстро взбирались по черной лестнице. Там в трех комнатах, с низкими белыми столами и смешными стульчиками для 3-летних ребят запасных воинов и помещалась наша школа.

Учеников разбили на три группы: I группа А — начинавшая занятия с 7 часов вечера, состояла из печатников, металлистов и ювелиров.

II группа Б — изнуренные 12-часовой работой портнихи, начинавшие занятия с восьми часов вечера.

III группа Беки — заводские дети с 10 до 12 лет, занимавшиеся с 6 до 9 час. вечера.

Преподаватели, узнав, что подростки живут на окраинах и прямо с работы голодными идут в школу, организовали на взносы по 50 к. с ученика и 1 р. от себя чай с французскими булками. Ничего лучше и вкуснее не ели мы тогда, так как большинство из нас обедало одним хлебом.

С преподавателями отношения создались сразу простые. Вначале расположило отсутствие экзаменов при поступлении, а потом незаметно привязались к ним. Каждый преподаватель просто, с увлечением излагал свой предмет и многие подростки после урока задавали им вопросы.

Величайшим удовольствием для всех были уроки русского языка, на которых разбирались литературные произведения и писались сочинения. Большую пользу приносило чтение вслух.

Ида читает нам книгу Бибика „К широкой дороге“. Перед глазами встают знакомые картины завода. В них ярко видна наша жизнь. Там, как

и у нас, два поколения: старое, отдавшее силу за проклятую копейку на собственный домишко и молодое, с головой, растревоженной вопросами. Напряженно ловим каждое движение подростков Игната и Артема и, захваченные правдивостью изложения, переживаем вместе с ними.

Вопрос Игната: есть ли бог — наш вопрос. Но вот и непонятное начинает тревожно щекотать нас. Из кружка Игнат с Артемом попадают в тюрьму, а потом за принадлежность к социал-демократии высылаются в Сибирь. Вопросы мутят голову, несправедливое отношение к героям вызывает злобу и, вдруг, радостно, вместе с ними, переживаем восстание против угнетателей.

Не менее приятно писать сочинения. Каждому хочется излить на бумаге свои тревожные мысли, вспомнить кусочки детства.

Первое сочинение „Школа, мое отношение к ней и к товарищам в школе" — дает богатый материал. У всех звучит один лейт-мотив: побольше сплоченности и собеседований.

Для сочинений Ида приносила художественные открытки социального характера: „Последствия войны", „Арест", „Не ждали", „Не пущу" и др., по которым каждый выбирал себе тему. Внимательное отношение Иды к каждому движению подростка притягивало всех к ней, и один взгляд ласковых глаз вызывал желание писать лучше. Появляется мысль о журнале. Название находим скоро. Самое родное и хорошее слово в школе „товарищ", им и называется наш журнал.

Выдающимися были сочинения М. Ратманского, из которых два были особенно яркими. Первое „Мой день"—день подростка, изнуряемого непосильной работой, в жизни которого главное место занимает хозяин, понукающий и гоняющий его, как животное, не знающее усталости. И только в школе он чувствует себя человеком и благодаря ей смело и бодро смотрит вперед.

Второе сочинение написано с открытки „Музыка".

Играет скрипач. Слушатели, очарованные мелодией, глубоко задумались: каждый из них переживает что-то свое. Вот юноша-студент устремил вперед задумчивый бодрый взгляд. Вся жизнь впереди. И грустная мелодия не вызывает переживаний прошлого, а неудержимо тянет и зовет вперед к красивой творческой жизни. Рядом с ним, опустив голову, сидит старик. Жизнь его прожита и он углубился в радости и горести прошлого. Оно захватило его, и боязнь, что скоро прекратятся нахлынувшие воспоминания, отразилась на его лице. Ему кажется, что вместе с звуками мелодии замрет его жизнь. Перестанет рыдать струна, старик встанет и скажет: „Не надо. Я хочу жить. Я еще раз хочу пережить молодость".

Психологически тонко и художественно пятнадцатилетний Миша передал красоту музыки словами, показал ее значение в жизни чедовека *).

Большой и ценный вклад сделала также и Франя своими уроками экономической географии. Нам,

*) К сожалению, все четыре №№ „Товарища" сгорели на выставке в 1917 г., и нет возможности восстановить сочинений.

с детства узнавшим гнет самодержавия, даже парламентарная монархия Англии и Германии казалась недосягаемо-хорошей. Но Франя, осторожно, с умной улыбкой сорвала красивую ширму и показала нам настоящую сторону западного демократизма. Примерами из истории и современных событий она показала нам, что политические права, завоеванные рабочими Запада, являются игрушками в руках буржуазии, которые она использовывает для себя же. На всю жизнь мы запомнили слова Франи. Благодаря ей нам легко удалось разобраться в событиях 17 г., когда буржуазия, по примеру Запада, хотела использовать завоевания рабочих в России.

Как ни странно, труднее всего давалась политэкономия. Большинство долго не могло понять, зачем изучать такую простую истину, что капиталист наживается за счет рабочей силы. Каждый испытал это на себе, а сухость изложения вызывала скуку и некоторые перестали посещать уроки. На язык просился вопрос:

— А вы нас лучше научите, как избавиться от капиталистов.

ШКОЛА И ПОЛИТИКА

В самом начале в школе выделилась своей серьезностью сплоченная группка из ювелирной фабрики. Кроме С. Мальчикова, стоявшего во главе, в нее входили Ратманский, Белокриницкий, Менис, Политиенко, и печатница И. Каганова. Мальчикову — 18 лет, его живой ум быстро реагирует на все явления. Нет вопроса, по которому

он не высказал бы своего мнения, всегда логично обоснованного. Он единственный среди нас, имеющий представление о политических партиях.

Интересовалась группа больше всего политэкономией, историей культуры, экономической географией и выделялась из общей массы способностями, толковыми вопросами на уроках и серьезным отношением к занятиям.

Во время перемен, забравшись в темную комнату, они о чем-то оживленно спорили с преподавателями. Остальная молодежь не решалась присоединиться к ним, а маленький Гербольд даже весело посмеивался:

— Опять бубонят. Ох, завзятые же политэкономики. Они ее, наверно, с хлебом едят, в чае ложечкой размешивают и матерям в суп класть велят.

А группа Мальчикова сделала свое дело. Узнав, что преподаватели считают себя социал-демократами, она поставила вопрос о направлении школы ребром и в горячем споре постепенно разбивала их подход к молодежи.

—Больше, чем дать толчок к самообразованию, в условиях самодержавия невозможно. Если бы школа стала социал-демократической, ее немедленно разогнали бы,— говорили преподаватели.

— Да, но пока разгонят, вы многое дадите нам.

— Мы и так даем и, как видите, безостановочно осуществляем намеченную нами программу.

— Ну, а когда осуществите?

— Тогда распустим вас.

— А дальше?

— Дальше, каждый из вас сумеет учиться сам, если захочет.

— И вы думаете, что это удовлетворит молодежь? Ведь нам важно знать не четыре действия арифметики, да правила грамматики, а то, как мы должны относиться к войне, причины войны и, главное, те задачи, которые стоят перед каждым рабочим...

Этот, долго длившийся спор окончился победой группы. Преподаватели убедились в нежизненности своего подхода, и школа приняла социал-демократическое направление.

После этого обстановка в школе заметно изменилась. Преподаватели высказывались смелее, сами наталкивали на вопросы и молодежь все больше заинтересовывалась. Часто можно было видеть в углах группки беседующих с преподавателями на политические темы. С отстающими по политэкономии дополнительно велись занятия. Ни один вопрос не оставался без ответа, и молодежь смелее ставила их. Маска конспирации в школе была сорвана. Беседы против войны, капитализма велись до позднего вечера. Скрывать стало нечего и молодежь все теснее сплачивалась вокруг преподавателей. Вскоре из школы выделились два кружка. В первый, которым руководил Я. Маршак, вошла группа Мальчикова. Во второй кружок, Евгения, вошли портнихи. Этот кружок из-за ареста Евгения просуществовал недолго.

Кружок Яши начал свою работу с вопроса о войне, поставленного молодежью. На собрании кружка присутствовали все преподаватели и всеми присутствующими была принята Циммервальдская резолюция против войны, которая и легла в основу всей дальнейшей работы школы.

В кружке с преподавателями создались дружеские отношения, которые на короткое время омрачились следующим случаем.

На ювелирной фабрике Маршака, где отец Яши и Франи был директором, работало несколько кружковцев. Однажды, зайдя в отделение, директор справился об одном ученике. Мастер указал мальчика и отрапортовал, что это — старательный мальчик, учится два года и т. д. (в присутствии директора за рабочих всегда отвечал мастер). Директор подошел к ученику и, отдернув рукой нагнувшуюся к верстаку голову, сказал:

— Ты... ты, молодец! Мне рассказывали, что ты в той вечерней школе хороший ученик. Старайся на будущее — из тебя выйдет человек.

От такой похвалы у бедного мальчонки душа ушла в пятки, и не успел директор закрыть дверь, как ученики школы очутились в комнате для совещаний — уборной. Совещание продолжалось недолго.

Некоторые решили оставить школу, в которой имеются дети директоров, способные все рассказывать дома.

Но как можно оставить школу, с которой сроднился и благодаря которой легче переносишь трудности жизни?

Немного поостыв, решили переговорить с преподавателями. Все оказалось очень просто. Случайно, входя в комнату Франи, отец услыхал фамилию ученика, и на вопрос о нем Франя ответила, что он очень хорошо занимается по грамматике. Франя, узнавши о первом решении учеников, успокоилась после того, когда мы убедились, что дома ничего не знают о работе в школе. После этого подростки еще более привязались к преподавателям. На собраниях молодежь всегда проводила параллель между марксистской теорией и жизнью рабочего класса, чем приносила большую пользу интеллигенции, знающей теорию, но не знающей жизни и психологии рабочих.

В школе часто происходили общие собрания, на которых разрешались все вопросы школьной жизни. Теперь же появились собрания и другого типа. Время от времени организация РСДРП присылала докладчиков на политические темы по текущему моменту. Особенно остался памятным доклад тов. Котова, активного работника социал-демократической организации, выступавшего на всех заводах против войны. Его доклад на долгое время взбудоражил и нас. Простыми словами рабочего он рассказал, как, будучи подростком, выучился грамоте в наборном отделении, раскладывая буквы по ящикам и, как, вытащив из-под верстака, избивал его мастер за найденную книгу.

— Вы счастливее нас, стариков, у вас есть свое царство — школа, но и время ваше труднее. Капитализм сжимается в мощный кулак, тысячами бросает

рабочих в бой ради своих интересов. Но кровь рабочих, слезы женщин и детей сливаются в бурное море, и время, когда мы на удар ответим ударами, близится. Вам, молодежи, полной бодрости и силы, надо готовиться к бою. Учитесь, товарищи, набирайтесь побольше знаний. Учитесь действовать в жизни всегда осмотрительно и никогда не верьте людям другого класса. Только мы, рабочие, сумеем разбить капиталистический кулак, а пока мы не организованы, наших депутатов будут гноить в каторге, а нас морочить военно-промышленными комитетами и заставят убивать таких же одураченных рабочих.

В то время уж многое было понятно нам, и казалось, Котов взял наши слова, претворил их в мысли и по новому более ясными, вложил в наши головы. К сожалению мы больше не встречались с ним, т. к. он в тот же день уехал из Киева, чтобы избежать ареста. После доклада Котова вынесли постановление не жертвовать больше ни одной копейки на войну.

Жизнь становилась богаче, кругозор шире. Тревожные мысли сменились убеждением, которое с каждым днем становилось тверже. Каждый из нас нашел цель в своей жизни и все мы вместе учились бороться с ее трудностями.

ПЕРВАЯ НЕУДАЧА

Незаметно подкравшись, пришла весна, ярким светом залила улицы, засветилась в глазах. Подростки школы впервые узнали ее радости. Никогда

так весело и бодро не улыбались их глаза, не звучал звонкий, раскатистый смех. После уроков забывали усталость и до поздней ночи, беседуя с преподавателями, гуляли по городу. По воскресеньям на весь день уходили в лес, в поле.

Так же неожиданно, как весна, пришло и несчастье. Трудно было укрыться от врага, живущего под боком, и начальница детского очага пронюхала настоящее направление школы. Сия почтенная дама, уверенная в благородстве своего поступка, прочла преподавателям лекцию о благонравии и во избежание доноса предложила нам убраться по добру, по здорову.

Школу решили временно закрыть. Естественно, что в этот момент особенно остро встал вопрос о существовании школы. Раньше велся спор о ее направлении, а тут преподаватели заявили, что считают свое дело сделанным и собираются школу закрыть.

— Ваше развитие настолько выросло, что вы сможете дальше работать самостоятельно.

Мальчиков, Ратманский и Менис, которым было сказано это, набросились на них.

Они убеждали их раз навсегда отказаться от вредного уклона, обезличивающего школу и понять, что для молодежи важен не толчок к саморазвитию, а ее дальнейшее участие в жизни и борьбе. Они настаивали на организации кружков для более способных ребят, в которых молодежь, изучая марксизм, должна научиться бороться за освобождение своего класса в условиях царизма. Для товарищей,

неподготовленных к занятиям в кружке, еще не вполне осознавших свое классовое назначение, необходима школа, как толчок к дальнейшему развитию не в общеобразовательном, а в классовом духе. Поэтому от имени всех учеников, недопускающих даже мысли о закрытии школы, они настаивали, чтобы школу во что бы то ни стало открыть в другом месте.

Первым присоединился к ученикам Маркуша, остальные постепенно согласились с ними и школа была распущена до подыскания нового помещения.

Но нет худа без добра. Это помогло произвести чистку школы. Несколько человек относились к занятиям весьма несерьезно, приходили в школу развлекаться и мешали другим. Им объявили, что школа закрывается совсем. Переходя на положение преследуемых, решили не подвергать опасности детей и группу „беков“ тоже распустили. Жаль было так поступать с ребятами, для которых школа была единственной радостью и они для нас могли бы быть хорошим прикрытием, но другого выхода не было.

После чистки осталось человек тридцать, которые до подыскания помещения не порывали связи с преподавателями и, собираясь группами, читали марксистскую литературу и беседовали по текущим вопросам. Иногда доставали рабочие газеты: „Начало“, выпускаемую группой интернационалистов и „Наш голос“, издававшийся Самарской полуоборонческой организацией. По ним узнавали о забастовках и волнениях рабочих, о которых красноречиво умалчивали буржуазные газеты, узнавали

настроения рабочих в связи с войной и научились читать между строк то, что не пропускала цензура.

С установлением погоды, местом сборища стала Кукушкина дача, живописно раскинувшаяся над Днепром. Это место, заросшее густой зеленью, служило притоном для жуликов. Туда не решались заглядывать обыватели, а полиция, дабы не уронить своего престижа, даже боялась устраивать облаву. Наши истоптанные башмаки да засаленные рабочие костюмы грабежа не боялись и в этом страшном притоне окружало нас полное раздолье. Иногда приходилось быть невольным свидетелем раздела добычи между блатной братией, сопровождавшегося отборной руганью и даже дракой, но они не мешали нам, а мы им.

С наступлением жары в складчину купили лодку. Эта коллективная собственность много удовольствия и пользы принесла нам. Прямо с работы, а в воскресенья с утра, сговорившись с Яшей и Маркушей, укатывали на острова и принимались за чтение. Читали медленно, часто останавливались и, разбирая прочитанное, старались растолковать один другому.

Неудача, постигшая нас, переживалась незаметно. Желание снова заниматься в школе не оставляло нас, а пока мы не ждали у моря погоды и усиленно взялись за общественные науки.

МАССОВКА. ЗАБАСТОВКА МАЛЬЧИКОВ

Приближается „Первое мая“, которое впервые будем праздновать и мы. Чтобы избежать многочисленных арестов, массовка (митинг) устраивается

за несколько дней раньше. Молодежь школы идет на митинг в союз портных и в Голосеевский лес.

Настроение возбужденно-радостное. Распространяем листовку „Первое Мая и война", выпущенную комитетом РСДРП и принятую фракцией профсоюзов.

В Голосеевском лесу большой митинг. Пароли и осторожность проводят нас туда. Первый раз на большом рабочем митинге. Первый раз слушаем представителей различных партий и чувствуем себя участниками большого дела — дела рабочего класса, который сегодня во всех странах выходит на улицу с протестом против войны. Из наших выступает Яша и ловко разбивает полуоборонческую речь бундовца, намекнувшего на необходимость спасать отечество.

Первое мая на работу не выходим, а в связи с арестами, произведенными накануне, откладываем катание на лодке и весь день проводим в беседе на Кукушкиной даче.

Как и ожидалось, жандармерия решила произвести разгром социал-демократической организации и 28 апреля арестовала несколько активных работников, в том числе Евгения Эдельштейна.

В связи с войной положение подростков ухудшалось с каждым днем. Брошенные для работы на оборону, они за гроши выполняли работу, подчас непосильную для взрослого. Если взрослый рабочий получал десять рублей, то подросток, работая у станка, стоящего рядом, получал в четыре — пять раз меньше. Это объяснялось отсутствием законной защиты детского труда, большой безработицей,

и тем, что в работе на оборону ценились люди определенной квалификации.

Но редко кто из подростков получал плату, похожую на заработок взрослого. Обыкновенно, если он попадал на фабрику или завод, то должен был 4—5 лет пробыть в учении. При царском режиме не было ничего хуже, бесправнее положения заводского ученика.

Для него каждый рабочий являлся начальником, и подросток вместо того, чтобы учиться работать, носился как оголтелый из конца в конец с различными поручениями. Первый год за этот 12—14-ти часовой труд плата не полагалась, на втором начиналась с полтинника в месяц и медленно поднималась вверх, в зависимости от расположения и настроения мастера, который и заговаривал о повышении. А дороговизна росла. Месячного заработка едва хватало на недельный прокорм в сухомятку, а получающим полтинник только на один день.

И вот на ювелирной фабрике 1-й Киевской артели, под руководством членов нашего кружка, обсуждается положение 60 подростков. Изнуряемые подростки, видя, что администрация и старшие рабочие не обращают внимания на их положение, решили сами переговорить с директором*).

Директор выгнал, обругал „сморкачами“, велел матерей прислать. Тогда решили бастовать, а ему на стол положили следующее требование:

*) Смотрите книжку Я. Мениса „Забастовка мальчиков“, издание: „Червоный Шлях“.

1. Требуем лучшего обращения (запрещение побоев, ругательств и т. д.).

2. Ученики должны быть на побегушках только по делам фабрики, но не по личным.

3. Уменьшить срок ученичества на один год, т. е. с 4 лет на 3 года.

4. Увеличить заработную плату на 200%, а подросткам, получающим 50 к. в месяц, увеличить до 10 рублей.

Забастовка при дружной поддержке подростков других фабрик длилась две недели, но слезы голодных родных помешали довести до конца и, добившись некоторых улучшений, она прекратилась.

Рабочая молодежь школы, пережив забастовку, стала более взрослой, поняла силу и значение организованности и действовала смелее.

Руководители забастовки Ратманский и Менис долго печалились, что не сумели добиться всех требований, а мы перестали бояться хозяина, ибо убедились, что не боязнью, а борьбой надо действовать в жизни.

ЭКСКУРСИИ

Изведенная, измученная молодежь неудержимо тянулась за город. Уже облазили все окрестности, изучили слои почв, каждая травка, листочек знакомы, знаем названия звезд и планет, а все тянет природа. У природы не было ни ушей, ни языка, и потому мы к ней относились более дружески, чем к людям, окружавшим нас. Она была другом, которому мы не боялись раскрывать самые опасные

мысли, читать запрещенные книги и свободно работали в лесу или на острове. Условия жизни вынуждали ступать осторожно, бесшумно, ибо везде могли быть уши и глаза. Чтобы замести следы прогулок по окрестностям и избежать встречи со шпиками (сыщиками), предприняли далекое путешествие в Межигорье (в 20 верст. от Киева).

Ночью шагаем по полю и, почувствовав свободу, шалим хуже малых ребят. Песня идет с нами, кувыркается, как и мы, и охотно уступает место переливчатому смеху в горелках.

А над нами атласное синее небо, усыпанное серебром огней. Плавно рассекая горизонт, упала звездочка. Фрося рассказывает про метеоры. На рассвете приходим в село Вышгород. Собаки и петухи, благодаря умелому подражанию, немножко ошиблись и, приняв нас за своих, стали состязаться. Нам весело, а крестьянки, переполошившись в тревоге, выскочили на улицу.

С высокой отлогой горы спускаемся к Днепру. Солнце, выплывая из воды, золотит стволы сосен. Настроение: кувырком скатились бы с горы — иного и не может быть у заводской молодежи, очутившейся на воле после темных, сырых мастерских.

До полдня катаемся на лодке, купаемся, а нашалившись вдоволь, забираемся в лес и беремся за чтение Дикштейна — „Кто чем живет".

День незаметно проходит. После обеда, когда солнце красною медью расплавилось на стволах, лежим в траве, а Франя читает нам „Старуху Изергиль". Франя кончила, мы же, стараясь разо-

гнать навеянное книгой, природой и солнечной истомой, долго молчим.

Где-то поют:

„Гей ви хлопці запорожці,
Сини вольній волі,
Чом не їдете визволяти
Нас с тяжкий неволі"

Поют два голоса: женский плачет и стонет в грустных переливах, мужской ласкает его грудными нотками и песня птицей улетает вдаль.

Хорошо! И почувствовав в себе избыток сил, срываемся с земли, деремся, бросаемся шишками, прыгаем по лесу.

Солнце спряталось — пора домой.

На пароходе возвращаемся в Киев и под шум воды, поющей в колесах, затягиваем свою любимую „сибирскую долю".

Скучный мотив, а поем весело.

Завтра опять начинается трудовой день, опять каждый из нас станет вещью хозяина, замурованной в бесконечно-тяжелом труде. Но разве в труде и борьбе меньшая красота, чем в природе?

Здесь она ярко-красочная, а там жестокая, напряженная, но зато ощущающая каждым нервом мускула борьбу.

ШКОЛА И НОВЫЙ ПРОВАЛ

В то время различные вечерние школы и курсы, если не прикрывались благонадежной вывеской оборончества и патриотизма, не могли существовать

без перспективы очутиться в тюрьме. Школа была нам необходима, и, собираясь снова открыть ее, на этот раз решили найти безопасное местечко. В средних учебных заведениях начались летние каникулы и дамы-патронессы предоставили в наше распоряжение несколько гимназий.

Внимательно осмотрев их, мы выбрали помещение как раз напротив здания Старо-Киевского полицейского участка. Лучшее помещение найти было трудно, т. к. полиция в районе участка была менее бдительной, а сыщики по своему недомыслию даже не предполагали, что мы осмелимся действовать перед самым носом полиции. В конце июня открывается школа. Четыре часа проводим в ней, а потом по старому беседуем где-нибудь на откосах Царского сада или читаем в маленькой комнате Клары, помещавшейся на 7-м этаже, вход в которую был через чердак. Занятия идут успешно и настолько последовательно, как-будто и не прерывали их. Раньше ученики запоминали все, что говорили им, не задумываясь над приобретенными знаниями, а теперь, подходя сознательно к каждому предмету, логически связывали одно явление с другим. Программа школы требовала именно такой связи и занятия в новой школе шли гораздо продуктивнее, чем в старой. Печатники, раньше не любившие политэкономию, теперь на уроках отвечали лучше всех.

В школе заметное нововведение: мы не только ученики, но и равноправные хозяева ее. Разрабатываем организационный план, намечаем ряд комиссий, куда входят ученики.

Увлеченные работой, забываем, что находимся в окружении врагов и свободно ведем свои собеседования, а через месяц открываем за стеной приятное соседство — редакцию черносотенной погромной газеты „Двуглавый орел". Прислушиваемся к их разговору и узнаем, что нас собираются накрыть. Быстро и бесшумно ликвидируемся. Общим собранием закрываем школу, а учеников распределяем по кружкам.

С ловкостью кошек улизнули из-под носа черной сотни, но за преподавателями начинается слежка.

Как то на улице, когда условливались с Маркушей о катании на лодке, меня остановил подозрительный тип в кепке и, пытаясь ошарашить неожиданностью, таинственно спросил:

— Где собираемся? У какой пристани?

— В чем дело? — удивляюсь я.

— А вот студент говорит о собрании в воскресенье.

— А я тут причем? Я студента знаю, как и вас.

В воскресенье на лодке не поехали.

Слежка усилилась. Преподаватели, чтобы не провалить нас, решили разъехаться. До отъезда на их средства создали богатую библиотеку и, оставшись одни, принялись за чтения. С нами осталась Фрося, и мы иногда катались на лодке.

СВЯЗЬ С ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Месяц самостоятельного чтения показал, что мы не только стали серьезнее, но и научились разбираться в сложных марксистских вопросах. Наряду с занятиями каждый из нас выполнял практическую

работу в своем профсоюзе. В союзе металлистов активно работали наши передовики: Мальчиков, Ратманский, Менис, Белокриницкий и Шаповал; у печатников Каганова, Пруссак и Гербольт, и остальные в союзе портных.

Интереснее всего была работа в конфликтной комиссии, разбиравшей недоразумения между хозяевами и рабочими. Живя под угрозой разгона, профсоюзы упорно боролись на мелких предприятиях за улучшение положения рабочих. Редко удавалось заставить хозяина считаться с профсоюзом, но рабочие, даже не состоя в союзе, искали у него защиты. Хозяин боялся профсоюза, запрещал рабочим вступать в него, но кончалось тем, что сам он попадал в конфликтную комиссию.

В комиссии сотни заявлений о неправильном увольнении, избиении, тяжелом изнурительном труде, неуплате сверхурочных и т. п. несправедливостях.

Но что мог сделать бесправный профсоюз?

У конфликтной комиссии было одно средство, применявшееся ко всем хозяевам — запугивание забастовкой и т. к. для мелкого предприятия забастовка была разорением, то часто удавалось добиться кое-каких улучшений.

На крупных предприятиях дело до конфликтов не доходило. Там рабочие открыто состояли в профсоюзе и все недоразумения улаживали с дирекцией, если же она не желала разговаривать с ними, объявляли забастовку.

Война изменила это положение, — благодаря „отсрочке“ рабочие молчали и даже боялись вступать

в союз, а дирекция, пользуясь этим, ухудшала их положение. Больше всего это отразилось на организации металлистов, которые, став военно-обязанными, боялись отправки на фронт. Союз металлистов, будучи всегда революционно-передовой организацией, благодаря войне стал слабым и малочисленным.

На общие собрания профсоюза приходилось месяцами ждать разрешения и вести их в присутствии полиции, которая, желая сорвать, цеплялась за каждое слово.

Иногда бывало так, что собираются все, и вдруг получается извещение, отменяющее разрешение. Собрание всегда зависело от умения и находчивости председателя: не понравится полиции какое-нибудь слово, он делает замечание докладчику и, заменив злосчастное слово еще более опасным, но непонятным, оставляет довольного полицейского в дураках. Так, например, на общем собрании союза портных, приставу не понравилось название доклада: „Текущий момент и отношение к военно-промышленному комитету" — тогда председатель изменил название: „Об участии в военно-промышленном комитете" *)— и пристав успокоился.

Центром социал-демократической организации был союз портных, который, как и кожевники, по своим убеждениям был сплошь большевистским.

Там мы познакомились с партийными товарищами и вместе с ними устраивали читки и собеседования.

*) См. подробнее книгу Майорова „Из истории революционной борьбы на Украине".

Чаще всего собирались у портних Розы и Тамары, которые постепенно вводили нас в партийную жизнь. Свою работу в профсоюзе мы выполняли под руководством старых членов партии от них получали мелкие поручения и прокламации против войны, которые распространяли по заводам.

Преследуемые полицией, профсоюзы и партия особенно осмотрительно действовали, остерегаясь предательства провокаторов и пролезавших под видом рабочих — сыщиков. В свои ряды принимали только проверенных и испытанных людей.

Наша же группа, развиваясь на глазах партийной организации, созданная по ее инициативе, пользовалась особой любовью и доверием партийных товарищей. Беспрерывные аресты вырывали лучших работников, и Комитет партии, желая подготовить себе надежную смену из рабочей молодежи, оберегал нас и не разрешал вести активную работу.

МЫСЛЬ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

Как-то раз, Маркуша, после собеседования в кружке, показывает нам случайно приобретенный журнал Шведского союза молодежи. Бегло просматриваем его и возбужденно засыпаем Маркушу вопросами. Он долго рассказывает об организации молодежи на Западе, которая, например, в Швеции, оказывает даже влияние на партию и вопреки ее указаниям пошла по революционному пути и резко высказалась против войны. Маркуша рассказал все,

что знал, а мы не унимаемся и захваченные важной для нас новостью, опять до мелочей расспрашиваем все.

На Западе существуют свои самостоятельные организации молодежи, где они свободно разбираются во всех вопросах политики, руководят организацией, насчитывающей тысячи членов, издают свой журнал.

— Даже вывеска есть! — удивляемся мы.

— А русская молодежь не имеет возможности узнать об этом.

О движении западной социал-демократии знаем, следим за ее жизнью, а о том, что существует там союз молодежи даже предполагать не могли.

Опять в десятый раз просим Маркушу повторить до мелочей.

У Ратманского появляется мысль, он долго обдумывал ее и занятый всецело ею, не принимает участия в наших спорах. А через пару недель ошарашивает:

— Мы должны организовать союз молодежи.

— Какой?

— Социал-демократический, как в Швеции.

— А вывеску приготовил?

— Нет, я серьезно. Мы уже союз. Нам надо только оформить свою организацию, выработать устав и начать работу по привлечению подростков в союз.

— Брось дурить, Миша. Пока существует царизм, твоя мысль является абсурдом, мы не можем свободно выдохнуть спершийся в груди воздух, незаметно пройти втроем по улице, а о массовом привлечении рабочей молодежи даже думать опасно.

Долго убеждали Мишу, но он не унимался и, занятый своей мыслью, частенько заговаривал о союзе и, увлекаясь, рассказывал свой план:

— Нет, вы подумайте: свой союз молодежи. Мы создаем на заводах кружки, рассказываем подросткам все, что знаем — и так в каждом городе. А потом объединяем все кружки во Всероссийский союз молодежи и готовим испытанных партийных работников. И я убежден, что такой союз мы когда нибудь да создадим.

ЗАЧИСЛЕНИЕ В ПАРТИЮ

С возвращением преподавателей (которых стали называть пропагандистами), приступили к систематическим занятиям в кружках. Связь с партийной организацией отдаляла нас от пропагандистов и мы все больше и больше тянулись к партийной рабочей массе, которая сгруппировалась вокруг старых большевиков.

Большевистская организация, раздираемая частыми арестами, была очень немногочислена. Она состояла почти исключительно из рабочих, объединенных по профсоюзам. Центром организации являлся союз портных, который по своему составу был наиболее сознателен и революционен. Не уступал ему в твердости большевистских убеждений союз сапожников, состоящий из квалифицированных рабочих обувных фабрик, эвакуированных из Риги и других мест. В союзе печатников росла и укреплялась группа большевиков, пополняемая молодыми рабочими, всегда настроенными революционно.

В этих трех союзах и велась партийная работа во главе со старым партийцем т. Майоровым. Тов. Майорову с группой большевиков пришлось проделать большую работу в союзах по выметанию оборонцев, в результате чего хотя оборонцы и пытались выступать от имени профорганизованных рабочих, но в союзы являться не решались.

Молодежь искала выхода своему убеждению и у себя на фабриках осторожно вела агитацию среди рабочих. Это принесло много хорошего.

Все больше втягиваясь в работу мы время от времени ставим перед партийной организацией вопрос о формальном зачислении нас в партию. Нам отвечают, что этот вопрос поставлен давно и разрешен положительно, но окончательное оформление отложено до партийной конференции.

Перед конференцией на квартире у Белохвостикова состоялось организационное собрание, созванное для объединения существующих кружков и восстановления развалившихся. От нас на собрании присутствовали Мальчиков, Ратманский и два—три человека от пропагандистов. Наши пропагандисты все время считали себя меньшевиками-интернационалистами, с которыми на этом собрании решено было объединиться для совместной работы. Это объединение стало возможным, благодаря отсутствию разногласий в стоящих тогда перед нами политических задачах, главной из которых являлось разоблачение преступности империалистической войны. Собрание выполнило всю подготовительную работу для конференции.

После собрания у нас с пропагандистами произошла очередная и довольно сильная стычка. Увидав Мальчикова и Ратманского на собрании, они удивились и при первой удобной встрече спросили, как они туда попали.

— Нас позвал Майоров, как представителей нашего кружка.

— Да, но ведь вас не выбирали?

— Нас и не могли выбрать, потому что мы узнали об этом накануне.

О нашей тесной связи с Майоровым пропагандисты не знали. В силу конспирации мы многое не говорили им, а после объединения заявили, что собираемся поставить вопрос о зачислении нас в партию.

— Не слишком ли рано ставить этот вопрос,— недовольно бросили они.

После продолжительного перерыва кружок собрался у Иды Амханицкой. На нем в присутствии почти всех пропагандистов был поставлен вопрос о нашем вступлении в партию.

Против выступила Франя и в пространной длинной речи заявила, что кружок еще многого не уяснил и не может самостоятельно разбираться в сложных вопросах марксизма.

— Помимо того, что вы еще очень молоды, вы не только не можете считать себя марксистами, но даже не знаете — большевики вы или меньшевики.

Ей резко возражает Мальчиков и собрание принимает форму уже не стычки, а сражения.

— Что касается марксизма,— говорит он,— то мы, несмотря на недостаточность наших знаний по сравнению с вашими, можем твердо сказать: мы — марксисты. А вот большевики мы или меньшевики, так по-моему даже странно поднимать этот вопрос. Правда, разницу между большевиками и меньшевиками мы знаем не столько из книги, сколько из жизни, но это меньше всего доказывает, кто воспринял ее правильнее. В отношении меньшевиков мы свое мнение высказали давно, нам с ними не по дороге до тех пор, пока они не разрешат вопрос: царизм или революция? Поскольку же они плетутся в хвосте за буржуазией, которая в первую голову боится революционного пролетариата и революции, они не только ставят революцию под вопросом, но в угоду буржуазии предадут ее. Для нас же революция не вопрос, а цель выросшая из нашего убеждения. Вот почему мы не только не допускаем мысли называть себя меньшевиками, но и будем бороться против них. Жизнь убедила нас, что только под руководством большевистской партии рабочий класс сможет правильными путями придти к стоящей перед ним цели. Вот почему мы не видим причин против вступления и настаиваем на формальном зачислении нас в организацию РСДРП большевиков, ибо только под ее руководством мы придем к революции.

За Мальчиковым выступает Ратманский, Яша Маршак и другие. Пропагандисты в своих выступлениях поддерживают Франю. Недоумение, досада на них сжимает нас. Всем хочется выступить,

возразить. Собрание затянувшееся до поздней ночи, окончилось тем, что мы выбрали представителями на конференцию Мальчикова и Ратманского.

Причина, почему пропагандисты были против нашего вступления в партию, выяснилась после февральской революции. В прочности своего объединения с большевиками они не были уверены и поэтому старались не выпустить из-под своего влияния молодежь и через объединение с большевиками получить связь с профсоюзами. То и другое им не удалось, несмотря на то, что до момента своего ареста они не прекращали попыток. Их интернационализм был довольно шаткий, т. к. после объединения с большевиками они не порвали связи с видными меньшевиками: Балабановым, Дреллингом и другими, оказавшими на них впоследствии большое влияние.

В своеи влиянии на нас они настолько были уверены, чго после февральской революции заявили, что только арест помешал им сделать из нас меньшевиков. Мы очень любили и ценили их, но это, как станет ясно в дальнейшем, не мешало нам не только в споре с ними разбивать их попытки, но и как раз накануне ареста поставить вопрос о разрыве с ними.

Вскоре после спора на окраине Киева „Слободке" состоялась подпольная конференция. На ней было представлено до 20 кружков, вступление которых в организацию РСДРП произошло на платформе Циммервальдской „левой", высказавшейся против войны. Последние объединились по профессиональ-

ному принципу и изучали полит-экономию и др. социальные науки. После конференции, наш кружок стал называться кружком РСДРП, а пропагандисты — группой пропагандистов при коллективе РСДРП. Представителями в Комитет для связи избрали Мальчикова и Ратманского, а секретарем кружка Политиенко, которому аккуратно стали выплачивать членские партийные взносы. В нашей жизни как бы ничего не изменилось, а с этого момента почувствовали, за каждое движение большая ответственность лежит на нас. Раньше мы были профмолодежью, интересующейся общественными вопросами, а сейчас мы члены партии — партии нашего класса, которая поведет нас по тернистому пути на борьбу. Желание принести наибольшую пользу партии вызывало нетерпеливый зуд в мозгу, и мы стали отдавать больше времени общественной работе, чаще встречаться с партийцами и усиленнее заниматься в кружках. Помимо занятий и работы в профсоюзах кружок получил от Партийного комитета задание организовать ячейки у себя на фабриках. Почва для этого была подготовлена продолжительными беседами с рабочими и вскоре на фабрике Маршака была организована ячейка, перешедшая потом на фабрику Цивкина, которая вела активную работу среди рабочих

ШТРИХИ РАЗНОГЛАСИЙ

Наиболее передовым и знающим был кружок Яши. В нем ни одна мысль не принималась без обсуждения и все больше приходилось спорить

с пропагандистами. Все время молодежь жила и дышала школой, кружком и фабрикой. Другой жизни и среды она не знала и, неразрывно связав теорию с пролетарским бытом, выковала на них свое сознание. Каждый шаг на фабрике, в семье подтверждал правоту убеждений, а окружающие, начиная с молодых рабочих и кончая стариками, всегда искали ответа у своих сознательных товарищей. Удовлетворенность этими ответами больше всего показывала, что молодежь идет по правильному пути.

У пропагандистов было иначе. В большинстве, дети богатых родителей, они не сумели сразу отрешиться от всего и их бытие тоже стало отражаться на сознании. Еще в марте они начали принимать участие в проведении меньшевистских кооперативных комитетов „Жизнь“, участвовать в филантропической „Детской Лиге“ и даже связались с военно-промышленным комитетом, в котором сосредоточились сливки меньшевиков-оборонцев.

В рабочей массе, помимо школы, они работы не вели и, связавшись с оборонцами, медленно попятились назад.

Маркуша стал пораженцем, а интернационализм остальных, за исключением Филиппа, разлетелся с легкостью цветочной пыльцы. Между ними разгорается горячий спор. Мы напряженно вслушиваемся. Трудно разобраться в мыслях, потерявших опору. Неприятно поражают и злят слова Фроси, так знакомые нам по выступлениям ее отца — видного оборонческого деятеля городской думы. Тяжелым непонятным

бременем ложатся слова Маркуши, уверовавшего, что поражение Европы приведет к революции. Им резко возражает Мальчиков.

— Только выступление рабочих против бойни, спасет Европу от гибели. Рабочий класс должен объявить войну войне и это единственный путь, по которому мы сможем придти к социальной революции.

В наши отношения к пропагандистам врывается что-то неприятное.

Мы видим, что они запутались и далеко не так тверды, как казалось нам, но все слышанное настолько абсурдно, что мы не останавливаемся на нем.

ПРИКРЫТЫЙ МЕНЬШЕВИЗМ

Спустя некоторое время, Яша делает обстоятельный доклад о войне и высказывает совсем новые мысли, сметающие прежние в мусорную яму. Еще на первом собрании кружка нами и пропагандистами была принята резолюция Циммервальдской „левой“ отколовшейся от предательски изменивших вождей II Интернационала, высказавшаяся против войны. Обстановка требовала более обстоятельного знакомства с причинами войны. Нам нужно было не агитацией, а фактами доказать рабочим преступность войны, поэтому, все время мы настаивали на подробно-разработанном докладе о войне. И вдруг вместо доклада слышим от Яши ничем не прикрытые, избито-пошлые фразы о необходимости спасать отечество. Но не тут-то было.

Помимо теоретических знаний у нас была школа жизни — наша рабочая среда, которая каждым нервом кричала против войны. Мы выросли во время войны, на своих плечах переносили ее тяжести. Мы видели голод и слезы женщин и детей, сами изнывали за гроши на непосильной работе и только жажда знания и стремление понять все, мешали нам *горевать* и чувствовать усталость. Стремление найти причины проклятой жизни, окружавшей нас, и найти выход из нее, не давало нам спать по ночам, чувствовать изнурение голода и поэтому мы так горячо и неустанно обсуждали всякое явление жизни и, вдруг, нас пытаются поймать на оборонческую удочку. И кто?

Яша, который цитатами из Маркса и Энгельса доказал нам преступность капиталистической войны, голосовал с нами за Циммервальдскую резолюцию, теперь вместо Маркса цитирует Плеханова и говорит о необходимости спасать отечество.

Резко высказываемся против и уходим с собрания. Тяжело до чортиков. Голову давит вопрос:

— Неужели вся интеллигенция вот также нетверда в своих убеждениях и так легко меняет их?

А в голову невольно лезет „оборонческая марсельеза“ И. Логинова, посвященная социал-демократам, продавшим интересы рабочих за право заседать вместе с буржуазией в военно-промышленных комитетах. Вот ее слова:

Отречемся, друзья, от марксизма,
От доктрины великой святой,
Нам дороже кумир шовинизма,
Нам не надо борьбы классовой.

Мы пойдем к нашим новеньким братьям,
Мы к Гучкову пойдем в Комитет *),
Что нам стоны людей и проклятья,
Что нам Маркса великий завет.

Припев.

Вставай, поднимайся, эсдэк-патриот,
Иди на врага иноземца
И бей пролетария-немца
Вперед, вперед, вперед...

Пусть по фабрикам всем и заводам
Раздается наш голос сильней,
Что иного пути нет к свободам,
Как чрез войны и трупы людей.
Так кричит сам Георгий Плеханов,
Шейдеман, Вандервельде и Гед,
В Государственной Думе Бурьянов
Повторяет с трибуны их бред.

Припев...

Не пора ли нам братья марксисты
Позабыть классовую борьбу,
Нас зовут социал-шовинисты
Постоять за буржуев судьбу.
Бросим красное знамя свободы
И трехцветное смело возьмем
И свои пролетарские взводы
На немецких рабочих пошлем.

Припев...

Неужели эту песню мы споем и нашим пропагандистам? Вспоминаются слова тов. Котова:— Никогда не верьте людям другого класса!

— Да, тов. Котов был прав.

*) Гучков— председатель Всероссийского военно-промышленного комитета.

АРЕСТЫ

Комитет партии дает первое серьезное задание организовать при союзе металлистов фракцию РСДРП*). Мальчиков, Менис, Белокриницкий, Ратманский и Шаповал решают устроить организационное собрание фракции под прикрытием общего собрания профсоюза. Не успело собраться человек сорок, как получилась бумажка, отменявшая разрешение, а вслед за нею в комнату ввалился пристав и объявил всех арестованными. Арест встретили спокойно, многие, улучив свободную минуту, бежали.

В участке всю ночь воевали с не менее нахальными, чем полиция — крысами, да ругались со стариками. Старики разъахались, расхныкались и только бодрость молодежи постепенно успокоила их.

Ребята затянули песню:

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий, брат.
Кто-б ты ни был...

Старики подтянули:

— Верь, настанет пора, и—погибнет Ваал...

Тихо неслась по камерам песня.

Через три дня наших арестованных, вдоволь натолкавшихся по участкам, освободили за взятку.

Занятия в кружке продолжались, но к каждому слову Яши стали относиться более осторожно.

В кружке Моисея молодежь, пройдя политэкономию и заслушав ряд докладов, потребовала обещанного доклада о войне. Моисей отговаривался

*) См. статью Мениса „Первый арест".

неподготовленностью, отсутствием свободного времени и нарочно растягивал доклады. А в 17 году мы узнали, что после раскола в Яшином кружке, пропагандисты решили действовать осторожнее и постановили доклад Моисея по возможности оттянуть.

Работа и связь с партийной рабочей массой, среди которой не было оборонцев, отдаляла нас от пропагандистов. Встречались два раза в неделю на собраниях кружка, спорили все горячее и уходили с неприятным осадком. Стена неловкости, неудовлетворенности вырастала между нами, и они, вместо того, чтобы переступить ее, все больше уходили от нас. На каждом собрании делалась попытка внести путаницу в наши убеждения. На одном собрании обсуждали речь Милюкова о неправильном ведении войны царским правительством и речи Керенского и Чхеидзе о положении в Государственной Думе в связи с созданием там „прогрессивного блока". Благодаря этому, зашел разговор о парламентаризме и о роли депутатов-социалистов в парламенте. Яша с радостью ухватился за этот вопрос и тут же привел чью-то авторитетную цитату о том, что скоро настанет время, когда пролетариату для совершения революции не нужны будут баррикадные бои, а достаточно будет завоевания большинства в парламенте. Находя подобные цитаты, Яша с удовольствием преподносил их нам, стараясь не собственными словами (им мы уже не верили), а более авторитетными, воспитать из нас меньшевиков. Но у нас имелись свои цитаты, подчас

взятые не из книги, а из жизни, и старания Яши повернуть оружие в пользу буржуазии кончались неудачами.

Ночью 9 декабря арестовали 56 человек, в том числе всех пропагандистов. Такая неприятность, хотя и ожидавшаяся, пришибла нас. Только теперь мы увидели, как привязались и любили их, и, несмотря на разногласия и споры, почувствовали себя осиротевшими.

Один из кружковцев, узнав, схватил себя за голову и невольные слезы покатились из его глаз. Но для горя времени не было, надо было предупредить товарищей, могущих подвергнуться аресту. Особенно тяжело, что арестовали их в момент разногласий. Нам казалось, что новая одежда оборончества, в которую они вырядились, настолько непрочна, что мы сможем сорвать ее. Ведь не могут же они, такие искренние и умные, не понять настроения рабочего класса. Мы все время жили надеждой, что и дальше пойдем рядом... но их арестовали.

ПРОПАГАНДИСТЫ-БОЛЬШЕВИКИ

События грузно скатывались одно на другое. Неразбериха, недовольство войной, в связи с продажностью на фронте и все растущим голодом, овладевали рабочими. Приходилось неустанно следить за всем, напряженно вчитываться и выискивать между строк то, что выедала цензура. Растерянные, недоумевающие рабочие, зная о нашей принадлежности к социал-демократии, искали у нас правдивых ответов.

Кружок Яши занимался самостоятельно и часто устраивал читки у Розы и Тамары и без уклона двигался вперед. Настоящего пропагандистская организация дать не могла и иногда члены партийного комитета делали доклады. Чаще других посещал кружок т. Хабинский, который делал доклады о 9 январе, об аресте рабочей группы в Государственной Думе и др.

Иногда т. Хабинский делал в кружке отчеты о работе Партийного комитета. Из прений по отчету особенно остался памятным спор о содержании двух листовок, выпущенных комитетом против войны.

В одной листовке говорилось, что капиталисты ввели трудовую повинность в Германии для того, чтобы заставить рабочих работать, а не гулять.

Мы с этим разъяснением не согласились.

Это не совсем точно. Для капиталистов не секрет, что с развитием капитализма растет сила рабочего класса. Трудовая повинность им нужна, чтобы парализовать рабочее движение, заставить рабочего отказаться от единственного средства борьбы — забастовки. Только достигнув этого, капиталисты могут заставить рабочих работать на оборону, т. е. еще больше закабалить их. Опасность именно в том, что сейчас в руках сильного капитализма, умело парализовавшего рабочее движение, все средства возможны. Необходимо, чтобы каждый рабочий знал, что капиталист работой на оборону не только закабаляет его, но и организовывает многомиллионный класс пролетариев с таким расчетом,

чтобы у него не было силы организоваться самому. Говоря о трудовой повинности, мы должны не переставая указывать рабочим на эту опасность для рабочего движения в целом. Разъяснение этой опасности поможет рабочим избавиться от предрассудка, что капитализм на западе обеспечивает лучше рабочих и ставит их в более свободное положение. Разоблачение этого предрассудка, вкореняемого меньшевиками, поможет рабочим разобраться в их предательской политике.

Также кружок не согласился с порядком лозунгов на листовках.

Мы говорили:

Лозунги: „Долой войну", „Долой царя" расположены неправильно. Раньше нужно свергнуть царизм, а потом прекратить войну. Если же война прекратится раньше, то это развяжет царизму руки и он в первую очередь расправится с рабочим движением, чем и отсрочит революцию. Царизм, втянувшийся в войну, не может безболезненно выйти из нее, и поэтому мы должны не переставая твердить рабочим, что пока будет у власти царизм, будет литься кровь на фронте, разруха и голод будут убивать рабочих и их семьи в тылу.

Приблизительно подобного содержания была принята резолюция всеми при двух воздержавшихся или против. В числе не голосовавших за резолюцию был новый член нашего кружка т. Лисица, довольно развитый, но настолько нетвердый в своих убеждениях, что впоследствии совсем ушел от революционного движения.

Тов. Хабинский, отстаивая мнение Партийного комитета, не согласился с нами, заявив, что все это существенного значения не имеет. И только февральская революция показала, что мы были правы. В то время мы уже читали „Социал-Демократ", издаваемый за границей Лениным, который нам очень помогал разбираться в текущих событиях и правильно оценить их и на этот раз.

События развиваются с радиопередаточной быстротой. На фронте недовольство, в тылу голод и русская монархия напоминает сосуд, который должен взорваться изнутри.

В кружок Моисея Партийный комитет присылает Московскую курсистку Машу (фамилию не знаем). Два месяца работы с нею проходят продуктивно и разнообразно. Маша проходит с нами историю революционного движения в России, которую знает не только по книгам, но и по активной работе в Московской организации. Впервые знакомимся с рабочим движением Ленинграда и Москвы, откуда Маша часто получала письма и листовки. Для нас это радостное событие и, кажется, что письма, исписанные мелким шифром, присланы нам.

Маша делает доклад о войне, который совсем не похож на запутанный цитатами доклад Яши; и мы отдали ему не два, а пять — шесть вечеров. Она собирает весь имеющийся материал о войне, который мы сами прочитываем. Но вот дошли до брошюры В. И. Ленина „О войне" и на ней остановились. Дальше искать нечего, мы нашли то, что говорила сама жизнь, что долго искали,

чувствовали и только теперь так просто и ясно рассказал нам Ильич.

В маленькую брошюрку он вложил жизненное содержание, такое обыкновенное, с простыми цифрами и фактами, как бы взятыми на глазах у нас. Он произвел простой до мудрости подсчет бешеного роста прибыли капиталиста на войне, преследующей одну цель — захват новых рынков для наживы путем эксплоатации рабочих, получающих еще более дешевые гроши.

Фактами из жизни рабочего движения, направленного капитализмом на путь измены, Ленин доказывал, что только солидарностью и организованностью пролетариат может бороться против капитализма и предательского шовинизма. Только войной можно прекратить войну, только превращением империалистической войны в гражданскую пролетариат станет на правильный путь своего освобождения и докажет свой интернационализм.

Раньше от членов партии мы знали об Ильиче, а когда прочли его книжку, стал он родным и близким нам.

В связи с Ильичем, Маша знакомит нас с борьбой эмиграции, рисует типы вождей, среди которых твердой скалой титана стоит Ильич.

Живая, энергичная и не только начитанная, а и участница лучшей пролетарской организации, Маша, ко вкладу школы, прибавила еще более ценный вклад.

Если бы мы могли оглянуться назад, то только тогда почувствовали бы, как широко, размашисто

раздвинула наш кругозор Маша. Но мы безостановочно двигались вперед и едва успевали действовать, хотя усталость и не была знакома нам.

Свою работу с нами Маша закончила докладом о Международном дне работниц 22 февраля 1917 г. по старому стилю.

Весь подпольный период молодежь распространяла листовки, выпускаемые большевистской организацией против царизма и войны. После вступления в партию распространение стало более организованным. Листовки распространялись не только у себя на фабриках и разбрасывались в местах скопления рабочих, но и расклеивались. Расклейка была организована т. Мальчиковым, который жил в полуподвальном этаже большого богатого дома, удобного в смысле конспирации. Намазанные клеем листовки сушились на паровом отоплении, после чего раздавались кружковцам для расклейки. Эта работа, как и распространение нелегальной литературы вообще, требовала большой осторожности, ловкости и навыка. Приходилось ночью, крадучись и стараясь не оглядываться, словно вору, совершать ее. Накануне февральской революции в течение двух недель молодежь, не считаясь с опасностью, распространила тысячи листовок. На царизм со всех сторон надвигалась гроза, которая неминуемо должна была разразиться, если не в центре, то в прифронтовой полосе или даже на фронте. Комитет партии выпускал листовку за листовкой, которые бесстрашно и умело распространялись молодежью.

РЕВОЛЮЦИЯ. РАСКОЛ

Неожиданно грянула февральская революция. Неожиданно потому, что не в бою, а по проводу, телеграммой получили ее. Все случилось гораздо проще, чем казалось и хотелось нам. 3 марта ст. ст. кружковцы, столкнувшись на улице, обменивались налету радостной вестью и бежали снимать с работы рабочих, не знавших о революции. Только днем вспомнили об арестованных товарищах и помчались в тюрьму. Наших пропагандистов уже везли родные, остался один Евгений Эдельштейн, которого на руках версты три пронесли до университета. Евгений от радости не чувствовал, идет ли он, несут ли его, или просто летит по воздуху, и поэтому всю дорогу ораторствовал.

Наш дом — союз портных, в котором попрежнему деловая обстановка. Читаем телеграммы. Выполняем различные поручения, но это уже не работа, украдкой творимая исподтишка, а шумно-веселая, сопровождаемая звонко-переливчатыми революционными песнями. Вечером распространяем обращение РСДРП, призывающее к организации Советов Раб. и Солд. Депутатов.

4 марта идем на трехтысячный митинг. В театре ораторы всех течений и видов зажигают толпу, которая всем в радости рукоплещет.

Все ново, поразительно своей огромной, никогда не виданной силой. Мы тоже рукоплещем, да не всем.

Выступает меньшевик Гершкович и удивительно красиво говорит, что мы не должны увлекаться

революцией, мы уже достигли всего, и потому подобно светлячкам должны гореть медленным, холодным огнем.

На трибуне появляется наша Маша и возражая Гершковичу, говорит, что революция только началась и еще рано сменять оружие, которым и добыта свобода, на холодный меньшевистский огонь. Мы должны гореть не холодным, а ярким огнем раскаленного железа, который поведет нас к дальнейшим завоеваниям,— кончает она.

Другой мы знали Машу в кружке, чем на трибуне, кажется, что выросла она и едва удерживаемся от крика:

— Молодец, Маша, настоящая большевичка!

Митинг днем, митинг ночью, в ушах речи, в глазах революция, радостно смеющаяся, как и весна.

6 марта легальное собрание партии. Из союза портных отправляемся туда. Ищем глазами пропагандистов, которых мы не успели повидать в эти дни и не находим. Собрание открывается, а их нет. Вдруг появляется Моисей и прямо идет к президиуму.

— Ага, наконец-то и наши придут, — думаем.

Моисей берет слово и предлагает всем идти на собрание. В голове вопрос:

— Какое собрание? Ведь собрание социал-демократов здесь. Т. Н. Лебедева спрашивает:

— А на вашем собрании есть Балабанов, Дреллинг, Гинзбург и Семячно *) — и на удовлетворительный ответ Моисея резко заявляет:

*) Группа видных меньшевиков-оборонцев, сотрудничавших в газете „Киевская Мысль".

— До тех пор, пока вы с этими господами заседаете вместе, мы вас не знаем.

С протестом от собрания выступает И. Крейсберг и возмущается, что Моисей посмел придти приглашать нас на собрание предателей.

Протест разгорается и Моисей, пристыженный, уходит. Собрание, успокоившись, продолжается. И только ночью, выйдя на улицу, мы с болью задаем друг другу вопрос:

— Неужели они окончательно изменили нам и ушли к меньшевикам?

Большей обиды и горя не могли нам преподнести пропагандисты.

Неужели им ближе господа, ищущие в революции холодного огня и тепленького местечка у буржуазии, чем рабочий класс?

На улице грязно, сырой мглистый дождь застилает глаза, но мы не чувствуем его, забыли, что надо идти домой. Впервые за дни революции дождь убаюкал город и только пять человек мрачно бродят в темноте.

— Неужели Филипп тоже с ними? — с болью спросил кто-то.

— Раз не пришел, значит с ними.

— А Ида?

— Нет, не может быть, чтобы Ида, такая родная, стала чу... — и слова, оборвавшись, замерли.

— Ведь она тоже не была на собрании.

Так, перебрасываясь, вырывавшимися из самого нутра, вопросами, убеждая себя в неубедимом, бродили всю ночь.

На рассвете сквозь туман продравшийся вспомнили, что надо идти домой.

До гудка осталось часа полтора, домой не пошли и долго еще молча бродили. Говорить стало не о чем, ибо слова о том, что случилось, клещами давили мозг.

Вдруг один из нас, что-то вспомнив, радостно улыбнулся и, засветив глазами в тумане, сказал:

— Вот когда мы организуем свой союз молодежи!

— А ведь верно, — радостно вырвалось у нас.

Решили, что мы впятером составим инициативную группу и завтра же примемся за работу.

Когда загудели гудки, Ратманский, пожимая нам руки, сказал:

— Мы создадим свой рабочий большевистский союз молодежи!

День начинался. Он вышел из тумана и неожиданно яркой пеленой развернулся над шумно просыпавшимся городом.

СЛАВНЫЙ ПУТЬ

От школы к кружкам, от кружков к союзу через Трипольскую трагедию прошла Киевская организация комсомола.

Еще в школе мы научились самостоятельно работать и мыслить, не полагаясь всецело на брата-интеллигента и, будучи детьми, крепко осознали, что освобождение рабочих есть дело самих рабочих.

Еще до революции, в тяжелых условиях царского подполья, разрабатывался план организации союза молодежи, и школа, познакомившая нас

с западным движением молодежи, является сейчас первой ячейкой нашего союза, которая, пробудив в нас классовое сознание, толкнула от меньшевиков-пропагандистов в ряды РКП.

Тридцать человек дала школа партии, которые, по словам Тарногородского („Летопись революции"), „все вышли на зло меньшевикам — большевиками" и „комсомольцами".

Пропагандисты же, воспитав из рабочих подростков школы хороших работников для Коммунистической партии, до сих пор остались меньшевиками. Школа явилась их единственной заслугой перед революцией и лебединой песнью их общественной жизни.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩЕЙ

МИША РАТМАНСКИЙ.

Богатый грозными событиями 1919 г. все новые и новые вести приносил о погибших товарищах.

Их много, бесконечно много родных имен может назвать каждый из нас.

В июле события принесли весть о гибели Миши Ратманского. Долго не верилось, не хотелось верить, что первого основоположника юношеского движения не стало. Убедило время. Время — целитель на этот раз не исцелило, не изжило образа Миши, организатора и вдохновителя нашего союза.

Он первый, у которого зародилась мысль по примеру Запада организовать молодежь.

Эта идея, возникшая в обстановке самодержавного гнета, долго не дает ему покоя и каждое движение невольно клонится в ее сторону. Поэтому работа Миши малая по масштабу в подполье, огромна по значению. Тогда уже в нем выковывался будущий вдохновитель рабочей молодежи, умственный рычаг будущего комсомола, которым он и был до последней минуты.

Детство Миши несложно и просто, как детство каждого родившегося в рабочей семье. Отец, измученный заботами, бросает семью и уезжает

в Америку искать лучшей доли для рабочего. Миша двенадцатилетним мальчиком попадает на фабрику.

И здесь простое становится сложным. Пытливый ум ребенка остро связывает отдельные явления в большое, ищет выводов. В обстановке непосильного труда становится ясным, что жизнь имеет две жизни: одну для родившихся в богатстве — праздную, сытую, другую для родившихся в подвалах — тяжелую, беспрерывную борьбу за кусок хлеба. Первый на кого он обрушивается — бог. С ним покончил. Выбросил. Но от этого не легче. Вопрос за вопросом, а ответа нет. Он ищет его у рабочего Кутузова, высланного за революционную пропаганду из Москвы. Многое Кутузов дает Мише, но не договаривает до конца. Миша додумывает сам. Кутузов посылает Мишу записаться в вечернюю школу. Школа оказалась такой, какая нужна ему. Многое становится ясным, а главное, что жизнь — борьба. Сильный побеждает слабого. Рабочий класс — сила, он и победит — простой вывод делает Миша.

Первое участие в борьбе за улучшение положения подростков принимает Миша в забастовке мальчиков. Кое-чего добились, пришлось на уступки пойти, но ведь это борьба горсточки за частичные улучшения, а главная сложная борьба за освобождение всего класса — впереди, — решает он.

* * *

Фабрика, школа, забастовка, массовка, арест — вот обстановка и пути, превратившие подростка Мишу в сознательного борца-пролетария.

Худой, со впалой грудью, как бы вдавленной внутрь тяжестью жизни, Миша невольно вызывал мысль: душа без тела. Фигурка тощая, несложная, а душа-мозг, необъятно пытливая, с жадностью голодного впитывающая все, что можно обосновать, использовать. Да еще глаза — яркие, живые, темные глубиной и постоянной задумчивостью. После ареста пропагандистов 16-тилетний Миша становится во главе кружка. Более строгого руководителя и конспиратора не было среди нас. Если кто пропустил занятие, сказал неосторожную фразу, Миша обрушивался на него.

— Болтливый для нас опасней предателя, — говорил он. Наряду со строгостью чуткость и внимательность к каждому товарищу.

Как-то, прямо от врача, я больная пришла на кружок. Миша и Мальчиков заботливо уложили меня и давай выманивать рецепт. Я решила не давать.

— Ты наверно утеряла его,— сказал Миша.

Я, забеспокоившись, торопясь, достала.

— Нет, вот он.

Миша мигом выхватил, передал Мальчикову, и тот стремглав пустился в аптеку.

Дома у меня побои, издевательства пьяных родных. Товарищи узнают об этом по красноречивым синякам. На кружке Миша мрачный, необычно молчаливый.

— Что ты такой? — спрашивает Мальчиков.

— Надо Шуру вытащить, помочь ей уйти из этого вертепа. Ведь увечат там ее.

Мальчиков без работы. Уходит из дому, чтобы не видать, как голодает семья, жившая на его заработок. Миша, чуть не плача, заставляет его взять деньги, тащит к себе жить.

Трудная, тяжелая пора переживалась незаметно, благодаря таким товарищам.

* * *

Во весь рост встает Миша после февральской революции. Он один из первых киевских ленинцев. Партийная организация высказалась против тезисов Ленина. Миша и Мальчиков не согласны с постановлением партийного собрания. Собирают кружок, обсуждают тезисы. Тянут т. Савельева (Петрова), защищавшего тезисы на партсобрании. Миша составляет телеграмму Ленину.

Забота и мысли Миши: организация союза молодежи. После работы на фабрике, он идет на заводы, организует кружки молодежи, разъясняет, что такое III Интернационал, под знаменем которого должна сплотиться молодежь.

Союз создан. Надо разложить союз учащейся молодежи. А то шовинизм только разводят. Да и не след двум союзам существовать. Большую работу проделал Миша среди учащихся, доказывая им нежизненность их существования. Не поверили. Но союз распался сам. Не было у него классовой основы и пошли распри. Не любил Миша интеллигентов, но кое-кого согласился принять из бывшего союза.

— Пускай в борьбе оботрутся, может и толк будет.

Среди рабочих фабрики Миша — любимый сознательный товарищ, выбранный от них в Фабком и в Совет Рабочих Депутатов.

В дни октябрьского и январского восстаний Миша в первой цепи с винтовкой. Стреляет плохо, невпопад, но бодрость через край другим передается.

* * *

Немцы оккупируют Украину. Многие отступают с Красной гвардией. Миша по настоянию товарищей остается, чтобы не дать разваливаться союзу, вокруг горсточки, как и прежде, собирать молодежь.

— Союз должен существовать без перебоев,— успокаивает себя и досаду подавляет работой.

Организация крепнет, растет. Тоненькими паутинками сцепляется она с фабриками, заводами, а по ней, стараясь не оборвать, идут одиночки, десятки. Трудно работать союзу, но во главе опытный руководитель — Миша.

* * *

Три слабости у Миши: любит природу, хорошие пролетарские песни, да рисовать тянет. Последняя слабость смущает: некогда тут с нею, а рука машинально вытягивает карандаш, набрасывает на бумагу, что глаз привлекло.

Отдыхал Миша, забравшись на откос Царского сада, или шагая в синие ночи по набережной Днепра с ребятами. Расскажет о работе, выложит все, что думал, узнал и вдруг песню затянет. Голос у Миши— ласковый, богатый колоритностью тенор. Слушаешь: хорошо спокойно становится.

Песня любимая им: о солдате, искалеченном у Порт-Артура. Вернувшись домой солдат узнал, что жену зарубили 9 января, мать до смерти забили нагайками казаки, сынишку во время восстания пулей с дерева сняли, а вступившегося за правду матроса-брата убил офицер. Один остался солдат и клятву-угрозу осиротевший калека посылает по адресу убийц.

Любил Миша поэзию, искусство. Всю ночь он мог говорить о „Двенадцати" Блока, сидеть часами над художественной гравюрой. В комсомоле он устроил дискуссию о пролетарском искусстве и литературе и долго убеждал ребят, что эти области должны стать полным достоянием рабочего класса.

* * *

Только в 1919 г. восстановилась Советская власть в Киеве. Комсомол в бывшем кино оборудует клуб. Миша неделями не бывает дома. С фабрики в клуб. В каждую мелочь вникает, ночью рисует плакаты, подметает пол. Прежде всего он связывает работу КСМ с государственным строительством—обсуждает с нами план охраны юношеского труда.

Обстановка республики осложняется. Банды, восстания парализуют работу, мешают заниматься строительством. В комсомоле беспрерывные отправки на фронт. Миша нервничает:

— Не могу больше. На фронт пойду. Я до того дошел, что не могу без зависти смотреть на уходящего товарища. Чем я хуже других, что лишаюсь права бороться с винтовкой в руках?

Эта настойчивость прерывается поездкой на III Съезд Советов Украины, а также подготовкой к I Съезду КСМУ.

Миша первый выдвинул идею Всеукраинской организации молодежи, связался с губерниями.

Съезд работал по материалам, проработанным Мишей, а его уже не было.

Под Киевом орудует банда Зеленого, мешает спокойно работать, издевательски убивает красноармейцев.

Украина под напором Деникинской армии сужается, общегородская конференция КСМ выносит постановление: все на борьбу с белогвардейцами. Миша первым выставляет себя. Единогласно: отклонить, оставить для работы. Скандалил — не помогло. Тогда пошел на хитрость. Убедительным спокойным тоном, после перерыва, заявил:

— Товарищи, ваше постановление обо мне просто нелогично. Если вся организация уходит на фронт, то какой смысл оставлять без нее меня секретарствовать. Если секретарь союза — настоящий секретарь, он должен идти вместе со своей организацией, куда бы не отправлялась она. Тем более, когда она уходит на фронт.

Это убедило. Многим показалось что Миша прав, и после некоторой борьбы предложение его приняли.

Миша радостный — словно мир победил.

* * *

Жизнь киевской молодежи от школы до Трипольской трагедии — вот работа Миши. Невозможно разграничить то и другое, ибо Миша всюду и везде первый. Чтобы дать ему полную характеристику, нужно описать пятилетний период Киевской организации от кружка до I Всеукраинского Съезда КСМУ.

Он неустанный вдохновитель, идейный руководитель ее. Вот почему он на славных страницах истории юношеского движения занял первое место.

Трудно товарищам, работавшим с Мишей и сейчас писать о нем.

Роднее друга-товарища не было у нас.

Не было и лучшего идейного руководителя и организатора у рабочей молодежи, выброшенной неопытной на гребень революции.

ЕВГЕНИЙ ЭДЕЛЬШТЕЙН.

Митинг, бой или опасное поручение — Евгений первый там,—открытый, честный, горячий, полный кипучей энергии и бодрости. Только таким все знали Евгения. Сын провинциального врача, обремененного семьей, Евгений рос в нужде и семнадцатилетним юношей вступил в социал-демократический кружок при Киевском Университете. Удивительно способный, талантливый оратор и пропагандист, он выделился из студенческого кружка и скоро стал активным работником подпольной организации. Всемирная война многим интеллигентам спутала неустойчивые убеждения, подцепила их на аркан шовинизма и бросила на путь измены рабочему классу.

Евгений с первого дня своей сознательной жизни—твердокаменный большевик, самоотверженно отдавший себя всего борьбе за освобождение пролетариата. С 1915 года он — организатор партийных кружков среди рабочих и лектор подпольной партшколы для рабочих подростков. Имея хорошую марксистскую подготовку, многое давал Женя своими лекциями.

Он и поэт-сказочник. В его красивых сказках неизбежное полное торжество пролетариата. Все сильное и способное к жизни он взял в свои сказки

и через нечеловеческие испытания послал на борьбу для будущей счастливой жизни. В сказках, рассказанных нам по памяти, он — не просто увлекающийся художник, а сознательный марксист, выливающий убеждения в прекрасных словах.

В апреле 1916 г. Женю арестовывают. Взвалив на себя всю вину, он спасает от каторги восемь товарищей и на все протесты с их стороны отвечает:

Безумству храбрых поем мы славу.
Один из девяти в счет не идет.

Ему угрожает виселица и только февральская революция вырывает приготовленную к смерти жертву. С радостью встречают его рабочие, на руках несут к университету, где громко и смело, не озираясь по сторонам, он воспевает безумство храбрых, построивших баррикады для освобождения миллионов от цепей и рабства.

Огромная работа лежит на нем в Киевской организации, где все его знают и любят. Член Киевского Комитета партии, член Совета Раб. Деп., член Печерского райпаркома, лучший агитатор, любимый рабочими, он всюду успевает и неустанно работает над собой, глубоко продумывая каждое явление. Многие рабочие до сих пор помнят красивые содержательные речи Жени. Никто не умел так наэлектризовать аудиторию, поднять настроение до экстаза.

В работе инициативной группы по организации ССРМ он единственный партиец, принимавший активнейшее участие. Первое воззвание к рабочей молодежи написано им. В дальнейшем он помогает

нам составить план работы и принимает живейшее участие в организации школы для членов союза.

После июльского разгрома Евгений много думает над вопросом вооружения рабочих. План за планом встает в голове, но Комитет партии не согласен с ним. Он же не унимается:

— Ведь драться же будем, чорт вас побери. Не голыми же руками пролетариат захватит власть.

— Будем, да только не горячись. Все в свое время. Надо — в одну минуту вооружимся.

Евгений сам решает обучиться военному делу и в сентябре уезжает в Чернигов. Через месяц черниговский гарнизон на стороне большевиков, Женя—председатель Совета Солдатских Депутатов. Узнав, что в Киеве началось октябрьское восстание, он с отрядом солдат пробирается туда. Киевские рабочие устали, изголодались, но горсточка свежих бойцов ободрила их.

При наступлении немцев он вместе с Красной гвардией отступает из Киева. Всюду первый, всегда веселый, он — радость и бодрость красногвардейцев. Чуткий, отзывчивый к каждому движению окружающих, он — лучший друг в беде, в неудаче.

Светлый оптимист, Женя не унывает в самые тяжелые дни реакции на Украине. Не знает он страха и самые опасные поручения выбирает себе.

Винницкий провокатор предает его, и Женя попадает в руки немецких палачей. Вторично приговорен к виселице. Немецкий солдат, полюбивший осужденного, помогает ему бежать. На Украине места нет: всюду знают, разыскивают. Женя едет на

Южный фронт, где в качестве политкома фронта переживает все ужасы отступления Северо-Кавказской армии. После тяжелой болезни он едет в Киев, оттуда в Винницу.

Там он ведет ожесточенную борьбу с контрреволюционными бандами. Там он и погиб в бою с повстанцами 23 мая 1923 г.

Погиб юный герой во имя светлого будущего, погиб певец безумства храбрых.

ПРУССАК И ГЕРБОЛЬТ.

Петя Пруссак и Иосиф Гербольт — рабочие типографии Чоколова. Вместе записались в подпольную школу, вместе ушли на фронт и в одно время погибли там.

Пруссак — высокий, с умными темнокарими глазами. Гербольт — маленький, по виду ребенок, с удивительно живым, плутоватым, порой ласковым огоньком в глазах. Он всегда остроумен и весел.

В школе они выделялись хорошими способностями да умением пошалить.

Как более отсталая, я стояла в стороне от группы Мальчикова и раньше всех сблизилась с ними. Сближение произошло вот как: группа печатников решила изводить меня ухаживанием. Приходилось убегать, иногда пропускать занятия. Увидав, что это меня мучает, Пруссак и Гербольт выругали ребят и взяли под свою защиту.

— Ты без нас теперь не уходи — сказал Гербольт.

— Ты теперь у нас будешь коренная, а мы твои пристяжные. Идет?—добавил смеясь.

С этого началась дружба. Гербольт всегда приветливо встречал:

— А коренная здорово! Дай пять!

Еще больше нас сблизила нелюбовь к политэкономии. Мало мы были на производстве, многого не понимали, а трудность изложения оттолкнула нас.

— Мне она в печенках сидит, а у Петьки желчь от нее разлилась, — жаловался Гербольт.

Решили не ходить на урок. Ида Амханицкая, увидав спросила, почему мы не на уроке. Гербольт ответил:

— У Шуры голова болит, у Петьки насморк, а я уж за компанию к ним присоединился.

Я сказала правду. Ида дала нам книжку Богданова „В вопросах и ответах", и многое понятным стало. Мы не только не пропускали политэкономию, но с большой охотой занимались ею.

Любил Гербольт пошалить, рассказать что-нибудь. Рассказывает: живое все перед глазами. Как-то спросила:

— Перевелся в машинное отделение?

— Нет. Мастер заявил, что еще клею мало наелся, подрасти надо. По его выходит, что клей — как бы вроде дрожжей для человека. А мне эти переплетчики живот крутят. Вот если бы ему язык к зубам приклеить или директору вместо картона нос отрезать — я бы с почтением. Вот Петьке — счастье. Его, видишь ли, большим маменька родила, так он чуть не с пеленок в машинном блаженствует. Нет, ты подумай: завинтил, закрутил, подмазал, подляпал, а эта махина стопудовая так и поет: вжик-жик, вжик-жик, уррр! Это тебе, коренная, не у стола стоять, да вот таким, как ты, язык показывать,—отвечал, картинно жестикулируя, Гербольт.

* * *

Так и не перевелся Гербольт в машинное, революция захватила его. Он — первый, вступивший в ССРМ.

Ребят агитировал просто. Встретит по дороге подростка:

— Ты где работаешь?

— У Кульженко.

— В союзе молодежи состоишь?

— Нет.

— Идем запишу, — и дорогой начнет растолковывать.

Пруссак официально в союз не вступил. Митингами да книгами увлекался. Не захватит его по дороге митинг, от книги не оттянешь, захватит — до утра будет слушать.

В январское восстание оба дрались в отряде молодежи против белогвардейцев. После двенадцатидневного боя про дом совсем забыли, в клубе ночевали. Боевая дружина, как лучшего бойца, выбрала Пруссака своим старостой. Только тут он вспомнил, что в ССРМ не записывался. Поймал за рукав Ратманского:

— Слушай, Миша, запиши в союз. Я не думал, что для меня это необходимо, а оказывается — у всех билеты есть. Значит — и мне нужно.

При наступлении немцев дружина влилась в отряд т. Довнарова-Запольского и ушла на фронт.

Самый тяжелый фронт — фронт отступления, особенно, когда сильный враг движется тяжелой лавой, не дает передохнуть. Извилистой дорогой отступала Красная гвардия, героически отстаивая

каждую пядь земли. Через Екатеринослав, Таганрог Царицын совершила свой путь раздетая, необученная армия рабочего класса. Много бойцов по дороге оставила. Остались на ней семнадцатилетние подростки Пруссак и Гербольт. Узнали мы о них от т. Маковского писавшего, что Гербольта он видал убитым на берегу Дона, а Пруссака потерял из виду.

Годы убедили, что они действительно погибли.

Погибли товарищи, в самое трудное время вступившие в наши ряды, погибли, как достойнейшие борцы за освобождение своего класса.

С. МАКОВСКИЙ.

С. Маковский с 1913 г. работал на фабрике Маршака в художественном отделении. Это отделение тонкой работы считалось привилегированным, в него попадали исключительно способные подростки.

Рабочие недружелюбно относились к работающим в этом „чистом отделении", но Маковского любили все, считали своим фабричным. И действительно, вся его жизнь была на фабрике. В ней он нашел товарищей, вместе с которыми учился бороться и жить. В ней он узнал, что сила рабочего класса в организованности.

В подпольной школе он был одним из лучших учеников, но вынужден был оставить ее, так как после долгих хлопот его зачислили в художественное училище. Тяжело было расстаться со школой и поддаться всецело влечению таланта, но иного выхода не было. Изредка он все же в школе бывал.

Всегда серьезный, больше думающий, чем говорящий, он инстинктом пролетария учитывал окружающую обстановку. В 1916 г. мы все чаще встречаем его на подпольных собраниях и за выполнением партийных поручений.

В первые дни февральской революции он официально вступает в организацию РСДРП (большевиков).

Выполняя с радостью возложенную на него работу, Маковский всегда стремится туда, где поопаснее. Там, где могут побить большевика, всегда идет он и спокойно выполняет свою работу.

В дни октябрьского восстания он в арсенале — рядовым бойцом.

В январские дни Маковский — один из первых, вступивших в боевую дружину молодежи. Так и остался в ней. При отступлении из Киева многие юные красногвардейцы ушли и не вернулись больше. Не вернулся и Маковский. Он всегда стремился быть рядовым незаметным бойцом, всегда был первым в бою, и один из первых погиб.

Его стремление и скромная деятельность рядового бойца являются лучшим, достойнейшим примером того, каким должен быть сознательный пролетарий.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От автора	3
Предисловие — С. Белокриницкий	5
Война и подростки	13
Как организовалась школа	16
Организаторы школы	17
Жизнь в школе	19
Школа и политика	23
Первая неудача	28
Массовка. Забастовка мальчиков	31
Экскурсии	34
Мысль об организации Союза Молодежи	41
Школа и новый провал	36
Связь с подпольной организацией	38
Зачисление в партию	43
Штрихи разногласий	48
Прикрытый меньшевизм	50
Аресты	53
Пропагандисты-большевики	55
Революция. Раскол	61
Славный путь	64
Памяти товарищей	67

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

Правление и баз. склад—Харьк., ул. Своб. Академии 5. Тел. 10-07.
Московское отделение—Петровские линии 1/20. Телеф. 3-01-99.

ВЫШЛА из ПЕЧАТИ

БИБЛИОТЕЧКА РАБОЧЕГО

под редакцией Б. И. ГОРЕВА:

А. Панов—Земля и небо.

Г. Боссэ—Человек-завод.

„ Как творится жизнь.

„ Тело—хозяин души.

М. Баскин—Что такое философия.

С. Волжанин—Что такое исторический материализм.

С. Волжанин—Чему учит политическая экономия.

А. Макс — Сущность империализма.

А. Ельницкий—От эпохи первобытн. челов. до коммунизма.

А. Ельницкий—Династия Романовых и ее роль в истории России.

Валентин Рожицын — Как буржуазия пришла к власти.

Арк. А-н—Рабочее движение на Западе.

А. Цинцадзе—Революционное движение в России от Разина до наших дней.

А. Цинцадзе—Государственное и экономическое строительство Советского Союза.

Г. Гимельфарб—Великие писатели Запада.

И. Кубиков—Великие писатели России.

М. Левидов—Главнейшие государства мира.

Б. Горев—Маркс и Ленин.

ЦЕНА 30 КОП.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии 5. Тел. 10—07.

Москва, Петровские линии 1/20. Тел. 3—01—99.

155